

РОЛЬ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА В ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

*С.Ю. Анисимова, Т.В. Борисова**

ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет»

г. Самара, Россия

E-mail: anisimova.svietlana@mail.ru

borisovatva@yandex.ru

***Аннотация.** Рассматривается роль дисциплинарного подхода в осмыслении феномена исторической памяти. Критикуется организация междисциплинарности, которая присутствует в изучении проблем философии истории. Выдвигается идея, заключающаяся в том, что для обоснования фундаментального статуса феномена исторической памяти необходимо изменить организацию научного знания. Изменения в организации научного знания наглядно демонстрируются на примере изменения проблематики исторической памяти.*

***Ключевые слова:** междисциплинарность, онтологические основания исторической памяти, взаимодействие природных и социальных систем.*

Реализуемый в российском обществе проект «научно-технологического прорыва» предполагает не только деятельность креативных акторов, способных инициировать данный проект. Необходимо прежде всего серьезно осмыслить роль интеграции научного знания в междисциплинарном подходе. Известно, что с рождением биохимии, биофизики, кибернетики и синергетики дисциплинарная организация науки приобрела прогрессивный характер. Однако, по мнению современных ученых, междисциплинарность в определенном плане тормозит развитие науки [4]. И дело здесь не только в том, что само понятие «междисциплинарность» вариативно терминологически. Современный исследователь имеет дело с «онтологической» изолированностью наук, с помощью которых изучается конкретная проблема. Наиболее четко данная когнитивная ситуация прослеживается в истории философии и доминирующей ее проблематике – исторической памяти.

*Анисимова Светлана Юрьевна – преподаватель кафедры философии.

Борисова Татьяна Вадимовна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии.

Статья представляет собой расширенный вариант выступления на конференции «Междисциплинарные исследования: сущность и перспективы развития (Борисовские чтения)» (Самара, ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», 27-28 сентября 2019 г.).

Рамки статьи не позволяют представить полный масштаб научных парадигм, концепций и теорий, разработанных учеными, которые работали и работают в проблематике исторической памяти. Известно, что большинство работ по истории памяти представлены эпистемологическими исследовательскими программами, которые следуют той установке, что философия и история «...теперь формируются как теория познания, а не как онтология» [1, с. 197-212]. В этих программах историческая память или трактуется в психологически-нарративном варианте, или связана с историческим опытом, который понимается как реальное переживание людей, которые участвовали в обсуждаемых исторических событиях [6, с. 112]. Какие основания определяют тот или иной вариант нарратива, что задает основу психологических переживаний людей, воспринимающих исторический опыт, – на эти вопросы указанные исследовательские программы не дают ответов.

В этом случае мы имеем дело с доминированием переходных научных направлений, в содержании которых присутствует существенный разрыв между гуманитарными и естественнонаучными областями знания. Конечно, так называемые лингвистическая и антропологическая революции XX века сделали многое для философского осмысления бытийного основания языка и сознания человека. Это заложило метафизические основания современной проблематики исторической памяти в рамках истории философии. Однако эти же революции осуществили окончательный разрыв между онтологической и гносеологической проблематикой, что актуализировало исследования исторической памяти в контексте ее конкретного проявления, а не в рамках бытийных оснований существования человека. В итоге было забыто, что антропологическая сущность человека имеет амбивалентную основу – природную и социальную, а сама система общества связана с природной системой. Однако последние исследования, осуществляемые в рамках коэволюционной эпистемологии, показали, что социальное поведение человека влияет самым непосредственным образом на работу генов в течении всей жизни организма (работы Gene E. Robinson, университет штата Иллинойс), что мемы как единицы культурной информации являются самокопируемыми репликами и до известной степени выступают аналогами генных механизмов. Изменения в поведении могут менять уровень и степень интенсивности факторов естественного отбора и влиять на эволюционные изменения (по эффекту Болдуина) [9].

Таким образом, сами научные инновации требуют иной структурной организации междисциплинарных наук. Междисциплинарность должна интегрировать не только переходные научные направления в рамках одной философской гуманитаристики. Эффективность современной междисциплинарно-

сти связана с организацией стержневых отраслей науки, которые способны вычлени́ть фундаментальные онтологические основания исследуемой проблемы. Именно поэтому анализировать историческую память в рамках только гуманитарного направления кажется ограниченным. Современная философская рефлексия в поисках онтологических оснований исторической памяти, защищаясь от лингвистических и психолого-антропологических замещений, обосновывает трактовку исторической памяти в качестве актуализатора памятования о прошлом. При этом делается вывод, что онтологическое основание памяти природных и социальных систем является единым. Несмотря на специфику содержательного различия природных и социокультурных систем, у них есть общее онтологическое основание – быть, существовать во всей полноте полифонической многомерности. В данном ракурсе историческая память финализирует актуализацию жизни, способности ее сохранения и продления. Здесь историческая память выступает как способ сохранения и продления жизни в экзистенциальном векторе: прошлое – здесь; прошлое – здесь и теперь; прошлое – здесь и там. Так историческая память раздвигает границы жизни – бытия, она оказывается глубже и сильнее отношений акторов в сетевых матрицах. Ведь память предполагает не только свою представленность, но и существование: можно быть представленным и существовать, но можно быть не представленным, но все равно существовать. Тем самым снимается не раз упомянутая исследователями противоречивость экзистенциала памяти: то, что не представлено действиями различных акторов, не существует, а то, что подвергнуто забвению, – не присутствует в памяти.

Изложенная методологическая позиция расширяет когнитивную масштабность статуса исторической памяти в общей теории, а также функционал памяти. Память как «памятование о прошлом» актуализирует процесс сохранности жизни в любых системах. Так, «генетическая память», наследуя конфигурацию аминокислот, не только передает, но и реализует жизненный цикл белковых молекул. «Биологическая память» таксомирует повторяемость предыдущих эмбрионов в становлении саморазвивающегося живого. «Историческая память» общества, будучи встроенной в сложные социокультурные системы, фокусирует экзистенциальные аспекты бытия социума или отдельного индивидуума. Во всех этих системах память не только сохраняет, но и коррелирует пространственно-временной характер этих систем. Согласимся с мнением Е.М. Князевой, которая утверждает, что «...сложные системы имеют память, для них характерно явление гистерезиса – при смене режима функционирования процессы возобновляются по старым следам (прежним руслам)...» [3, с. 78]. В рамках сказанного память как актуализация сохране-

ния и продления жизни посредством организации информации о прошлом артикулирована в любой пространственно-временной системе. Поэтому можно говорить о феномене исторической памяти по отношению как к природе, так и к обществу. Другими словами, в любых системах исследователь сталкивается с общим онтологическим основанием памяти природных и социальных систем.

В онтологическом аспекте водораздел между «исторической памятью» природы и общества определяется спецификой существования, бытийностью природных и культурных объектов. В гносеологическом плане водораздел определяется когнитивной установкой познания этих объектов, а в праксиологическом историческая память имеет разные способы функционирования в природе и обществе. В обществе историческая память всегда существует в форме социальной памяти, а не в природных формах бытийности. Но в этой, казалось бы, всем ясной фактологичности существуют спорные, методологические неопределенности. Например, возьмем ситуацию противопоставления истории и памяти, которая обсуждается всем научным сообществом. Известна жесткая позиция М. Хальбвакса, который любил противопоставлять память и историю. Их противопоставление, а значит и различие, он обосновывал разницей между типами прошлого, которое они восстанавливают: память восстанавливает сходство между прошлым и настоящим, а история – их различие [7, с. 8–27]. Другая позиция, которую поддерживают Я. Ассман и П. Хаттон, настаивает на бинарной противоположности памяти и истории. Так, Хаттон определяет историю даже особым родом социальной памяти [8]. Подобные теоретические разногласия по поводу соотношения истории и памяти порождены той методологической нагруженностью, которая содержится в содержании категорий «сходство» и «различие». Содержательная многоаспектность этих категорий связана с ресурсным разнообразием тех признаков, по которым проводится демаркация сходства и различия [5, с. 86–109]. В самом деле, если провести анализ многообразных трактовок определения «история», то приходится сталкиваться с вариативностью признаков, на основании которых определяется конкретное содержание истории. Если в качестве основополагающего признака используется признак процессуальности, то история определяется как процесс развертывания во времени социального бытия и форм деятельности. Если используется признак различия, то историю определяют как конкретную историю рода, страны или личной биографии. В рамках познавательного процесса история выступает когнитивной единицей знания о прошлом, трактовка которого тоже полифонич-

на. С другой стороны, артикулирование доминирующих признаков сходства позволяет говорить о феномене онтологического общего в исторической и природной памяти, в котором актуализирована информация прошлого. Добавим, что корреляционное соотношение категорий «сходство» и «различие» содержится и в самом ресурсе «исторической памяти». Поэтому перед исследователем встает сложная задача вычленения тех методологических маркеров, с помощью которых можно будет выявить основание как сходства, так и различия между историческими составляющими в памяти природы и социума. Основание базовых признаков сходства в памяти природы и общества содержится в сущностном содержании самого феномена «память». Память – это хранитель, транслятор и актуализатор состояний прошлого в настоящем, что выступает онтологическим условием продления существования и развития многообразных форм бытия. Историческая память социума не только сохраняет прошлое, но и содержит конструктивную способность выхода за пределы мира и самого человека. Именно так историческая память социума рефлексивирует собственную предметность. Поэтому искусственно стереть историческую память социума «...видимо, в принципе невозможно. А если возможно, то исчезает целая культура, ее бытийные или онтологические основания, которые реализуются в историческом времени» [2, с. 43]. Суммируя сказанное, артикулируем заявленные методологические позиции. В общей теории памяти основание ее статуса и содержания исторической памяти определяется бытийно-онтологической структурностью той или иной системы. При этом пространственно-временные измерения исторической памяти актуализируются спецификой протекания процессов ретроспекции, самопроизводства и самотранслирования в каждой конкретной системе: природной (живая – неживая природа), социальной, знаковой и т. д. Данный контекст позволяет говорить об исторической памяти как общем феномене, присущем как природе, так и обществу, поскольку историчность в широком значении содержит потенциал развртывания небытия, присутствия, исчезновения, забвения, дальнейшего развития. В этом плане взаимосвязь пространство – время – история закономерна и в определенном фокусе тождественна. Но если в природных системах эта взаимосвязь жестко задана алгоритмом от неживого к живому, от живого к его воспроизводству и саморазвитию, то в социальных и культурных системах эта взаимосвязь существует в искусственно созданном мире. В искусственном мире (как раньше говорили – «второй природе») действует иной алгоритм: цель – деятельность – действие – результат. Ракурс этого алгоритма на каждом этапе социума осмысливался и реализовывался

по-разному в соответствии с социально-культурными запросами общества. Таким образом, социальное бытие общества и человека продолжается посредством онтологических оснований норм и стандартов деятельности, которые сохраняет, воспроизводит и актуализирует историческая память, продолжая тем самым процесс жизни.

Сделаем выводы. Новая организация междисциплинарных научных направлений в исследовании исторической памяти позволяет выявить фундаментальные онтологические основания, которые не разрывают единство природы и общества. Эти основания позволяют придать фундаментальный статус самому феномену исторической памяти. Не игнорируя специфику исторической памяти общества, стержень философской рефлексии обосновывает онтологию исторической памяти как функционала жизни в целом и продолжения социального бытия.

Список литературы

1. Бубер М. Проблема человека // Два образа веры. – М.: Республика, 1995. – 464 с.
2. Дармограй В.М. Цивилизационный выбор России // Восток, Запад, Россия. Философские и социокультурные основания взаимодействия цивилизаций: сб. науч. трудов. – Саратов – Москва – Саранск: КУБиК, 2017.
3. Князева Е.Н. Темпоральная архитектура сложности // Синергетическая парадигма: синергетика инновационной сложности: к 70-летию В.И. Аршинова: сб. / отв. ред. В.И. Аршинов. – М.: Прогресс – Традиция, 2011. – 495 с.
4. Крушанов А.А. «Междисциплинарные» и «трансдисциплинарные» исследования: проблема самоопределения // Вестник Российского философского общества. – 2018. – № 2.
5. Лёвин Г.Д. Философские категории в современном дискурсе. Гл. 9. Тожество и сходство. – М.: Логос, 2017. – 211 с.
6. Мегилл А. Историческая эпистемология / Пер. с англ. М. Кукарцевой, В. Кашаева, В. Тимонина. – М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2007. – 480 с.
7. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3 (40–41).
8. Хаттон П.Х. История как искусство памяти [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/hatt/index.php
9. Эффект Болдуина [Электронный ресурс]. – URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Baldwin_effect (дата обращения: 12.03.15).

THE ROLE OF INTERDISCIPLINARY APPROACH IN THE PHILOSOPHY OF HISTORY

*S. Yu. Anisimova, T. V. Borisova**

Samara State Technical University

Samara, Russia

E-mail: anisimova.svietlana@mail.ru

borisovatva@yandex.ru

Abstract. *The article considers the role of the disciplinary approach in understanding the phenomenon of historical memory. The organization of interdisciplinarity, which is present in the study of problems of philosophy of history, is criticized. The idea is put forward that in order to substantiate the fundamental status of the phenomenon of historical memory it is necessary to change the organization of scientific knowledge. Changes in the organization of scientific knowledge are clearly demonstrated by the example of changes in the problems of historical memory.*

Keywords: *interdisciplinarity, ontological bases of historical memory, interaction of natural and social systems.*

*Anisimova Svetlana Yurievna – Lecturer of the Department of Philosophy.
Borisova Tatyana Vadimovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy.